

Александр Власов о реформировании суда

18 октября 2023, 14:45 Владимир Филичкин

На фото: Александр Власов

3 апреля 2023 года стало знаковой датой для всей судебной системы России. Событий, которые могли бы сравниться по масштабу с задержанием сразу нескольких ростовских судей, страна еще не знала. Одна за другой пошли отставки. Наиболее скандальной стала отставка экс-председателя Ростовского

областного суда Елены Золотарёвой. А затем стало известно, что 32 судьи, а также чиновник из Ростовской области, попали в поле зрения Федеральной службы безопасности, а также Министерства внутренних дел и конечно Следственного комитета. Исходя из огласки, которую провели средства массовой информации, обыски прошли в Октябрьском, Железнодорожном, Кировском и Советском судах Ростова-на-Дону. О небывалой ситуации в судебном сообществе страны наш корреспондент расспросил профессора Российской академии естествознания, директора научно-исследовательского института судебных экспертиз «СТЭЛС» Александра Власова:

— Александр Юрьевич, а вот нормальный честный человек в такой системе может выжить? Способен? Вот вы рассказали про ряд регионов, где творилось подобное. А если рядом с нарушителями, судьями-нарушителями окажется честный, принципиальный судья, он сможет сохранить свою честность? Или его просто уберут? Он мешает же другим...

— Владимир Васильевич, к сожалению, такая тенденция тоже существует. И она, кстати говоря, не носит какого-то характера, касающегося именно судебного сообщества. Это сплошь и рядом случается и в любом другом коллективе. Если человек не вписывается в принятую систему, в сложившиеся обычаи и традиции, то сначала к нему

формируется негативное отношение, а потом реализуются все доступные способы, направленные на избавление от этого субъекта, не отвечающего уже сложившемуся представлению.

Оправдайте, не карайте, но назовите зло — злом — Я помню, вы как-то давненько уже рассказывали о существовании так называемых лимитов на оправдательные приговоры. Если эта система всероссийская, сколько должно быть оправдательных приговоров сегодня? То есть если в каком-то суде начнут всех подряд оправдывать, то это будет что-то такое, напоминающее революционную ситуацию в одном отдельно взятом ведомстве.

— До революционной ситуации здесь не дойдет, потому что если вдруг руководство заметило тенденцию, что какой-то судья, к примеру, два раза подряд вынес оправдательные приговоры, то вот это уже упомянутое нами... негативное отношение, оно очень быстро реально воплощается в жизнь.

— А как вы в качестве эксперта можете существовать в такой системе? Это что-то вроде анализа мочи в истории болезни — ваше заключение? Если вы подтверждаете позицию следователя, судьи, то ваше заключение примут к вниманию, а если не подтверждаете, то просто отбросят, как неприемлемое доказательство?

— Да, так оно и есть. Хотя, между прочим, в прошлом году было вынесено отдельное определение Верховного суда на эту тему, очень правильное определение о том, что, допустим, критические рецензии специалистов, выставляющиеся в противовес заведомо неграмотному экспертному заключению, а таких заключений у нас, к сожалению, немало, оно должно в равной мере оцениваться в ходе судебного следствия как полноценное доказательство. И отказывать, например, в приобщении такого заключения специалистов или такой рецензии суд не имеет права вообще.

— Вот вы как-то неуважительно о сталинской системе судопроизводства недавно высказались, а я слышал другую точку зрения, что во времена Иосифа Виссарионовича было правовое государство. Законы правда были драконовские, их специально отобранные люди принимали такими драконовскими. Но эти законы исполнялись, и поэтому, что следователи НКВД, что судьи, соблюдая законы, наверное, и

выносили оправдательные решения и приговоры.

— У меня нет абсолютно достоверных сведений, и тем более нет и, скорее всего, не может быть статистики какой-то на эту тему, подвергались ли судьи репрессиям за постановку оправдательного приговора. Не знаю, честно говоря.

Судья — это говорящий закон

— Нет, мы сейчас про оправдательные приговоры, что они существовали, и процент был достаточно значительный.

— Они действительно существовали, но я же говорю, что логика-то их здесь существования в обязательном порядке должна быть связана с тем, подвергнется ли репрессиям судья за оправдательный приговор или нет.

— А он же еще мог подвергнуться репрессиям за необоснованный приговор, я имею в виду обвинительный. Несладко было похоже судье во времена Иосифа Виссарионовича. И за одно его могли покарать, и за другое. Поэтому он, наверное, старался соблюдать законы, существовавшие в нашей стране.

— Несомненно, наверняка эта позиция имеет место, имеет право на существование. Но с тех пор прошло

много десятилетий, и в общественном сознании у нас произошли тоже очень большие изменения.

— И не всегда профессор, скажем так, в лучшую сторону.

— Безусловно, не всегда в лучшую сторону. Но если оценивать, допустим, общее благосостояние людей, общества в целом, то рост этого общего благосостояния колоссальный по сравнению с тридцатыми годами. И это не может не влиять на психологию и на правосознание. И не только рост материального благосостояния, но и рост в информированности.

— Информационное общество. Сейчас оно стало более открытым, многое передается огласке.

— Конечно. Раньше абсолютное большинство общества вообще не знало о тех глубинных процессах, которые происходят. Сейчас информацию утаить практически невозможно.

О личной свободе и общем благе

— Александр Юрьевич, у меня главный вопрос. Все-таки эта система при практическом отсутствии оправдательных приговоров долго может продлиться? И каковы ваши прогнозы? Я имею в виду, будет что-то меняться? И если будет, то в какую сторону? Общество ведь не статично. У нас перемены бывают, оттепели, заморозки.

— Смотрите, очень воодушевляет такой решительный ход власти, когда сразу 32 судьи в одной области были обвинены.

— Они взяты под стражу?

— Там не все взяты под стражу, какая-то часть.

— Домашний арест?

— Да, есть и домашний арест. На самом деле, это не принципиально. Гораздо важнее сам факт предъявления им обвинения в злоупотреблении своими судебскими полномочиями. Это важно, потому что для судьи, на самом деле, почти сопоставимо предъявление обвинения или увольнение с должности, которое автоматически влечет за собой утрату всех привилегий, которыми обладает судья.

— И хорошей пенсии.

— Да, но это у них не пенсия называется, а пожизненное содержание в огромном размере и масса других благ.

— **И похороны за государственный счет.**

— (Смеется). Ну это шутка.

— **И оружейный салют. Александр Юрьевич, вам не кажется, что это вот все-таки про 32 человека полумеры? Потому что был какой-то там французик, который взял и уволил всех судей, не разбираясь, а на их место поставил выпускников юридических институтов страны.**

— Это не просто «какой-то французик», а очень известный генерал де Голль, который принял такие радикальные меры, когда пришел к власти и одновременно уволил всех судей. Ну, действительно, разобраться скрупулезно в каждом персонаже трудоемко, затратно.

— **И нереально.**

— Да и нереально, конечно. Решение, может быть, отчасти и спорное такое вот, но на самом деле оно оказалось, как потом выяснилось...

— **Он же сразу сказал вроде, что пять лет можно будет не беспокоиться о законности и коррупции.**

— Да, оно оказало абсолютно благотворное влияние на состояние судопроизводства в целом. Сейчас у меня, может быть, это наивные иллюзии, но вот этот показательный процесс, который должен состояться над судьями Ростовской и Самарской областей, он может явиться, по крайней мере, каким-то настораживающим для остального сообщества знаком о том, что...

— **Пусковым механизмом.**

— Пусковым механизмом, что надо быть поосторожнее.

— **И не попадаться. К тому же, у нас же общество ничего не решает. Государство должно принимать судьбоносные решения.**

— Государство вот и приняло такое решение.

— **Нет, имеется в виду, что дальше больше надо. Чистку провести большую...**

— Я ведь на самом деле далек от мысли считать, что все судебное сообщество поражено коррупцией.

— **Боже упаси, Александр Юрьевич!**

— Нет, конечно. Безусловно, есть и честные, порядочные люди, которые...

— Но оправдательных приговоров при этом нет.

— Ну вот, да. Есть тут такое...

— Получается, что как-то они дружно работают с обвинительным уклоном.

— Что делать? Они поставлены в такие условия. Причем эти условия не диктуются сверху, властью. Это все конкретные решения на местах. На местах конкретная установка председателя районного суда какого-то там, поселкового и прочее.

— Ну у нас же система такая, что внизу улавливают сигналы сверху, типа: «Будете пыль глотать», «Будем вас мочить в сортире», «Намек понят».

— Сверху достаточно просто снисходительного отношения вот к этой системе, а дальше уже ее интерпретирует каждый в силу своего понимания. И чаще всего это понимание сводится к тому, что обвинительные приговоры — это здорово.